

Александр Восьмой

Ужас Горгофа
(Оптима Окси
Фаргус)

18+

Александр Восьмой

Ужас Горгофа
(Оптимист Окси Фаргус)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужас Горгофа (Оптимист Окси Фаргус) / А. Восьмой — «Автор», 2026

В книге сплетаются библейские мотивы и мрачная эпика: гордая раса, вскормленная железной волчицей, бросает вызов миру, где власть и вера перекраивают судьбы народов. Герои живут в эпоху потрясений — между пророчествами и предательством, между святостью и грехом. Каждый третий здесь — мученик, четвёртый — Иуда, а первый — пророк, способный превратить посох в змея. В их руках — не только сила, но и тяжкий выбор: сеять ли лесом крестов Голгофу или искать иной путь. Через образы изгнания, борьбы и жертвенности автор задаёт острые вопросы о природе добра, цене власти и том, как легенды становятся уроком для потомков. Это история о вере, предательстве и поиске истины в мире, где святое и проклятое порой неотличимы друг от друга.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужас Горгофа (Оптимист Окси Фаргус)

Глава 1. «Кровь и сталь: первый рык железной волчицы»

Ночь кровавой луны висела над землями Железной Волчицы, словно распахнутый глаз, налитый багровым гневом. Скалы, будто выточенные из застывшего гнева богов, отбрасывали длинные, ломанные тени, и казалось, что сам воздух здесь звенел от напряжения, как натянутая струна перед ударом. В главном зале крепости, сложенном из чёрного камня и скреплённом не раствором, а кровью и клятвами, старейшины собрались вокруг очага, пламя которого горело не жёлтым, а тёмно-алым, будто впитавшим в себя цвет самой ночи.

Каэль стоял у дальней стены, стараясь не шевелиться и не привлекать к себе внимания. Ему было шестнадцать — возраст, когда юноша уже не ребёнок, но ещё не принят в круг воинов. Его пальцы невольно сжимались и разжимались, а взгляд скользил по лицам старейшин — суровым, высеченным годами битв и тяжёлых решений. Он знал: сегодня будет сказано что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Старейшина Дорн, седой и крепкий, как старый дуб, поднял посох. На его поверхности тускло мерцали руны, выжженные огнём и кровью предков. Голос Дорна звучал низко и ровно, будто каждое слово было камнем, который он бросал в тёмную воду:

— «Каждый третий — мученик, четвёртый — Иуда, каждый первый — пророк». Так гласит пророчество, высеченное на стенах самой Голгофы. Так было, так есть, так будет. Мы — те, кто вскормлен грудью железной волчицы. Мы не просим милости. Мы вершим свой закон.

В зале повисла тишина, густая и тяжёлая, как смола. Даже пламя в очаге будто притихло, сжавшись в плотный комок света. И в этот миг посох в руках Дорна дрогнул.

Сначала Каэль подумал, что это игра света. Но затем дерево под пальцами старейшины словно ожило: руны вспыхнули ослепительно белым, а сам посох на долю секунды превратился в живого змея — чёрного, с глазами, горящими, как угли. Змей изогнулся, зашипел, и его взгляд метнулся в угол зала, туда, где сгустилась тень, слишком плотная для обычного мрака.

Каэль почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Он знал, что в их землях тени не всегда были просто тенями.

А потом посох снова стал деревом. Руны погасли, и только едва заметный пар поднимался от него, растворяясь в воздухе. Старейшины не вздрогнули, не отшатнулись — они будто ждали этого. Но Каэль видел, как напряглись их плечи, как пальцы крепче сжали рукояти клинков.

И в тот же миг снаружи раздался звон.

Не мелодичный, не торжественный — холодный, режущий слух, будто кто-то бил в колокол, сделанный из льда и стали. Этот звон проникал под кожу, заставлял зубы сжиматься, а сердце биться чаще. Он нёс с собой не музыку, а угрозу.

Дорн резко повернулся к двери, его лицо стало маской из камня и ярости.

— Чистильщики, — выдохнул он, и это слово прозвучало как проклятие.

Снаружи донеслись крики, лязг металла, рёв пламени. Кто-то закричал, что окраины горят. Что пепел сожжённых деревьев уже летит по ветру, смешиваясь с кровью и пылью.

Каэль рванулся к выходу, но Дорн остановил его одним взглядом.

— Стой. Ты ещё не воин.

— Я могу помочь! — выкрикнул Каэль, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева и страха, сплетаясь в тугой узел.

— Помочь — значит не бросаться на смерть, а слушать, — жёстко ответил Дорн. — Сегодня ты увидишь, как начинается война. И запомни: она не в криках и не в пламени. Она в том, как люди выбирают, кем им быть, когда мир рушится.

Но Каэль уже не слушал. Он рванулся мимо старейшины, выскочил наружу — и замер, ослеплённый зрелищем, от которого кровь стыла в жилах.

На фоне кровавой луны двигались фигуры в чёрных плащах, с капюшонами, скрывающими лица. Их мечи светились холодным светом, а за спинами висели колокола — не для молитвы, а для войны. Они шли ровным строем, будто не люди, а машины, созданные для разрушения. И каждый их шаг сопровождался тем самым звоном, который проникал в самую душу, заставляя её сжиматься от ужаса.

Один из чистильщиков поднял руку, и звон стал громче, превращаясь в волну, которая сбивала с ног, заставляла терять равновесие, видеть то, чего не было. Каэль почувствовал, как перед глазами поплыли тени: ему показалось, что земля под ногами трескается, открывая бездонные пропасти, а из них тянутся когтистые руки.

Он зажмурился, стиснул кулаки и заставил себя сделать шаг вперёд. Потом ещё один. Страх был, но он не мог позволить ему победить. Не сегодня.

Рядом вспыхнул огонь — кто-то из воинов поджёг смолу, чтобы осветить поле боя. В этом неровном свете Каэль увидел, как один из старейшин бросился на чистильщика, его клинок рассекал воздух с рёвом, похожим на волчий вой. Удар, ещё удар... и вдруг чистильщик отшатнулся, а его плащ на миг стал прозрачным, обнажив нечто, что не должно было существовать: под тканью не было человеческого тела — только переплетение теней и острых, как иглы, осколков тьмы.

Каэль отступил на шаг, но тут же заставил себя остановиться. Он не мог бежать. Не мог прятаться. Если он хотел стать воином, если хотел защищать свой народ, он должен был встретить этот ужас лицом к лицу.

Он выхватил свой короткий клинок — подарок отца, погибшего в прошлой войне, — и шагнул вперёд. Металл в его руке казался крошечным и хрупким по сравнению с тем, что наступало на их земли, но Каэль знал: сила не в размере клинка. Сила — в том, чтобы не опустить его, даже когда весь мир кричит тебе бежать.

Звон колоколов нарастал, превращаясь в оглушающий рёв, который, казалось, мог расколоть небо. Тени сгущались, принимая формы чудовищ, которых не было в легендах их народа. Но среди этого хаоса Каэль вдруг услышал другой звук — низкий, глубокий, похожий на раскат грома.

Это был рык.

Железная волчица — дух их расы, их покровительница, их проклятие и их гордость — отвечала на угрозу. Её голос прокатился по горам, заставляя скалы дрожать, а сердца воинов наполняться холодной яростью.

Чистильщики на мгновение замерли, будто услышав что-то, чего боялись больше всего. А воины расы Железной Волчицы подняли головы и ответили на этот рык криками, полными гнева и решимости.

Битва началась.

Пламя, сталь и кровь слились в едином вихре, где не было места страху, где каждый удар был клятвой, а каждый вздох — обещанием не сдаваться. Каэль бросился в гущу сражения, чувствуя, как мир вокруг него меняется, как он сам меняется, становясь частью чего-то большего.

Он не знал, что ждёт его впереди. Не знал, станет ли он пророком, мучеником или предателем. Но в эту ночь, под кровавой луной, он понял одно: война уже пришла. И теперь ему предстояло выбрать, кем он будет в этой истории — жертвой или воином.

Глава 2. «Лес крестов: урок, написанный болью»

Они шли по выжженной тропе, где даже трава казалась не зелёной, а серой — будто сама земля здесь забыла, как быть живой. Ветер нёс с собой запах гари и чего-то ещё, кислого и

металлического, от чего у Каэля сжимался желудок и хотелось сплюнуть, чтобы избавиться от привкуса пепла на языке.

С каждым шагом воздух становился тяжелее, будто кто-то невидимый накидывал на плечи всё новые и новые плащи из мрака. И когда впереди наконец показалась граница — не стена, не ров, а нечто куда более зловещее, — Каэль почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб, а волосы на затылке встали дыбом.

Лес. Но не тот, что шепчет листвой и поёт птицами. Этот лес молчал. И вместо деревьев в нём росли кресты.

Ряд за рядом, с пугающей математической точностью, они уходили вдаль, теряясь в дымке горизонта. Деревянные, почерневшие от времени и копоты, кое-где обугленные, будто их пытались сжечь, но даже огонь не смог стереть эту жуткую разметку земли. Каждый крест был одинаков по высоте, одинаково наклонён, будто вбитый чьей-то безжалостной рукой в одно и то же мгновение.

— Это не кладбище, — тихо произнёс Борн, старый воин с лицом, изрезанным шрамами, как карта забытых битв. — Кладбища плачут. А это... это приговор.

Отряд замер, вглядываясь в эту неестественную геометрию смерти. Никто не решался сделать шаг вперёд. Но и стоять на месте было невыносимо — тишина давила, проникая под кожу, заставляя слышать собственное сердце, которое билось слишком громко, слишком отчаянно.

И вдруг из глубины этого леса донёсся звук. Не шёпот ветра, не скрип дерева. Человеческий голос. Слабый, надтреснутый, будто выцарапанный из пересохшего горла.

— Лесом крестов засею Голгофу... Пиши, летописец, потомкам урок...

Каэль первым рванулся на звук, не думая, не взвешивая риски — просто потому, что не мог стоять и слушать, как кто-то умирает в этом мёртвом лесу. Остальные последовали за ним, и вскоре они нашли его — летописца.

Он сидел, прислонившись к одному из крестов, в одежде, когда-то богатой, а теперь превратившейся в лохмотья. Его пальцы судорожно сжимали обломок пера, а рядом лежала раскрытая книга с пустыми страницами, будто он пытался писать, но слова отказывались ложиться на бумагу. Глаза его были широко раскрыты, и в них плескался не просто страх — а знание, которое сломало его изнутри.

— Ты слышишь их? — прошептал летописец, не глядя на Каэля, будто обращаясь к чему-то невидимому. — Они шепчут. Они всегда шепчут. «Каждый третий — мученик, четвёртый — Иуда...» Они сделали это не ради памяти. Они сделали это, чтобы мы забыли, как выглядит надежда.

Каэль опустился на колени рядом с ним, чувствуя, как холод земли пробирается сквозь ткань штанов, словно сама земля хотела напомнить: здесь нет места живым.

— Кто это сделал? — спросил он, голос его прозвучал хрипло, будто ему не хватало воздуха.

Летописец наконец повернул к нему голову. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Те, кто верит, что боль — это молитва. Те, кто думает, что, засеяв Голгофу крестами, они приблизятся к небу. Но они лишь строят лестницу в бездну.

Он снова зашёлся сухим кашлем, а когда поднял руку, чтобы прикрыть рот, Каэль заметил на его пальцах кровь. Много крови.

— Они идут, — прошептал летописец, и его глаза расширились, уставившись куда-то за спину Каэля. — Они уже здесь.

В тот же миг тишина леса треснула, как стекло.

Из-за рядов крестов выступили фигуры. Сначала Каэль подумал, что это люди — они двигались, как люди, стояли, как люди. Но когда они вышли на открытое пространство, он понял свою ошибку.

Это были подобия людей. Их кожа была бледной, почти прозрачной, будто сквозь неё просвечивали тени. А глаза... в них не было отражения. Ни света, ни глубины — только чёрная пустота, в которой тонули любые попытки увидеть хоть искру разума.

Они не кричали, не ревели — они шептали. Обрывки молитв на незнакомом языке, слова, которые не складывались в смысл, но проникали в сознание, царапая его, как осколки стекла. Каэль почувствовал, как эти шёпоты пытаются вползти в его мысли, заставить его сомневаться, пугаться, сдаваться.

Борн первым бросился вперёд, его клинок сверкнул в тусклом свете, рассекая воздух с рёвом, похожим на волчий вой. Удар пришёлся по груди одного из существ, и сталь вошла глубоко. Но вместо того чтобы упасть, существо лишь слегка покачнулось. А затем рана начала затягиваться прямо на глазах — кожа смыкалась, как вода, которую потревожили камнем, а потом она снова стала гладкой, без следа удара.

— Не бейте в грудь! — крикнул Борн, отступая на шаг. — Режьте по суставам, по шее! Они не умирают от обычных ран!

Каэль вскинул свой клинок, чувствуя, как рукоять скользко потеет в ладони. Одно из существ метнулось к нему, двигаясь с неестественной скоростью, его пальцы вытянулись, превращаясь в когти. Каэль увернулся в последний миг, перекатился по земле и ударил снизу вверх, целясь в колено. Сталь вошла в плоть, и существо взвыло — на этот раз не шёпотом, а настоящим воем, высоким и пронзительным, от которого закладывало уши.

Оно рухнуло на одно колено, но тут же попыталось подняться. Каэль не дал ему шанса — он ударил снова, на этот раз по шее. Голова существа отделилась от тела и упала на землю, катясь среди крестов, а тело ещё несколько мгновений дёргалось, прежде чем окончательно затихнуть.

Но на место одного павшего приходили трое. Они наступали ровным строем, будто не чувствуя боли, будто сама идея смерти была им чужда. Их шёпот становился громче, сливаясь в единый гул, который давил на виски, заставлял видеть то, чего не было: тени, шевелящиеся в углах зрения, шёпот собственных страхов, оживающие кошмары.

Один из воинов отряда закричал и бросился бежать, размахивая клинком перед собой, будто отгоняя невидимых врагов. Другой замер, закрыв лицо руками, и начал бормотать молитву, которую никто не слышал раньше.

— Держите строй! — рявкнул Борн, его голос прорвался сквозь гул, как клинок сквозь лёд. — Не слушайте их! Они питаются вашим страхом!

Каэль стиснул зубы и заставил себя сосредоточиться. Он видел, как одно из существ подбегает к летописцу, который всё ещё сидел, прижавшись к кресту, и шептал что-то, что могло быть молитвой, проклятием или просто попыткой удержать рассудок.

Не раздумывая, Каэль рванулся вперёд, перепрыгивая через корни и обломки крестов. Он врезался в существо плечом, сбивая его с ног, и тут же нанёс удар, целясь точно в шею. На этот раз он не промахнулся.

Летописец поднял на него глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на благодарность. Но прежде чем он успел что-либо сказать, его взгляд снова остекленел, и он прошептал те же слова, что и раньше:

— Пиши, летописец... потомкам урок...

А затем его голова медленно склонилась на грудь, и он затих навсегда.

Битва продолжалась, но теперь Каэль видел не просто врагов. Он видел символы. Каждый крест, каждый шёпот, каждая затянувшаяся рана были частью чего-то большего — плана, который простирался далеко за пределы этого леса. И он понимал: если они не остановят это

здесь, если не найдут источник этой тьмы, то скоро весь мир будет покрыт такими лесами, и каждый крест станет страницей в книге, написанной кровью.

Когда последний из нападавших рухнул на землю, а шёпот наконец стих, отряд собрался в круг, тяжело дыша, с клинками, покрытыми странной, почти чёрной кровью, которая не капала, а стекала, будто живая.

Борн подошёл к Каэлю и положил руку ему на плечо. Его пальцы были твёрдыми, как железо, и в этом прикосновении было больше слов, чем в любых речах.

— Ты хорошо сражался, — сказал он. — Но запомни: в этой войне враг не только там, где сверкает сталь. Враг — в этих словах, в этих крестах, в том, как они заставляют нас сомневаться в самих себе. Сегодня мы выжили. Но завтра нам придётся сражаться не только с телами, но и с душами.

Каэль кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он смотрел на ряды крестов, уходящих в бесконечность, и понимал: это не просто лес. Это послание. И он должен был разгадать его смысл — прежде чем оно убьёт их всех.

Глава 3. «Посох и змей: пробуждение знака пророка»

Руины старого храма лежали среди скал, будто кости давно павшего исполина, забытые и брошенные на растерзание ветру и времени. Каменные плиты потрескались, лианы оплели колонны, а в щелях между камнями гнездилась тьма, которая не рассеивалась даже днём. Казалось, само место дышало древностью — тяжёлой, густой, пропитанной чужими молитвами и проклятиями.

Отряд остановился у входа. Борн, прищурившись, вглядывался в полумрак, словно пытался прочесть в тенях предупреждение.

— Здесь нечисто, — пробормотал он, поглаживая рукоять меча. — Не просто заброшено. А именно нечисто. Будто кто-то специально стёр это место из памяти мира.

Каэль шагнул вперёд, не дожидаясь приказа. Что-то тянуло его внутрь, какой-то тихий, настойчивый зов, который звучал не в ушах, а глубже — в груди, там, где билось сердце. Он не мог объяснить это чувство, но знал: если он сейчас отступит, то потом будет жалеть всю жизнь.

Внутри храм оказался не таким разрушенным, как снаружи. Кое-где сохранились фрески — тёмные, выцветшие, но всё ещё различимые: фигуры в длинных одеждах, склонившиеся перед чем-то, что невозможно было разглядеть из-за осыпавшейся краски; сцены жертвоприношений, где тени казались слишком живыми; и повсюду — руны, вырезанные прямо в камне, будто кто-то пытался удержать здесь силу, не дать ей вырваться наружу.

В центре зала, на невысоком постаменте, лежал посох.

Он не был похож на оружие. Скорее на реликвию: тёмное дерево, покрытое сетью рун, которые, казалось, пульсировали едва заметным светом, словно под корой текла не смола, а сама тьма. Металлические накладки на навершии напоминали раскрытые пасти змей, переплетённых между собой, а на самом острие тускло мерцал чёрный кристалл, будто капля застывшей ночи.

Каэль подошёл ближе. Его пальцы дрогнули, будто сами тянулись к посоху, и он не стал их останавливать. В тот миг, когда его рука коснулась дерева, руны вспыхнули ослепительно белым светом, и зал наполнился звуком, похожим на шипение тысяч змей.

Время будто замерло.

Посох в его руке дёрнулся, ожил. Дерево стало плотью, твёрдой и холодной, чешуя скользнула по его пальцам, и в следующий миг посох превратился в огромного чёрного змея. Он обвился вокруг руки Каэля, туго, но не больно — скорее удерживая, чем сдавливая. Его глаза, два багровых уголька, смотрели прямо в душу юноши, и из пасти донёсся шёпот на древнем наречии — языке, которого Каэль никогда не слышал, но который каким-то образом понимал.

«Ты — первый. Ты — голос бури. Ты — тот, кто должен сказать слово, когда мир замолчит».

Змей на секунду замер, будто прислушиваясь к чему-то за пределами этого зала, а затем его тело снова стало деревом. Руны погасли, оставив после себя лишь едва заметное тепло, которое медленно уходило из пальцев Каэля.

Он стоял, не в силах пошевелиться, чувствуя, как по спине стекает холодный пот, а сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди.

Борн шагнул к нему, его лицо было мрачным, почти испуганным.

— Ты тронул его, — произнёс он тихо, словно боялся спугнуть тишину. — Ты взял посох.

— Он... он говорил со мной, — выдохнул Каэль, всё ещё не веря в то, что только что произошло. — На языке, которого я не знаю, но понимаю.

Борн покачал головой, его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

— Это знак, — сказал он. — Знак того, что ты — один из «первых». Пророк. Тот, о ком говорится в пророчестве: «Каждый первый — пророк. В руках пророка посох становится змеем».

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и неизбежные, как приговор.

— Но это не благословение, — продолжил Борн, и в его голосе прозвучала горечь. — Для одних ты — надежда. Для других — угроза. Для тех, кто строит свой порядок на молчании и покорности, пророк — это трещина в стене. И они сделают всё, чтобы её заделать. Теперь за тобой будут охотиться не только армии. За тобой будут охотиться те, кто боится слова сильнее, чем меча.

Каэль сжал посох крепче. Дерево под пальцами казалось живым, будто всё ещё хранило тепло змеиной плоти. Он чувствовал, как сила течёт по его венам, холодная и острая, как лезвие. Но вместе с ней пришло и другое чувство — тяжесть, которую невозможно было сбросить. Это была не просто сила. Это была ответственность. И цена, которую придётся заплатить.

Внезапно храм содрогнулся. Где-то далеко, за стенами, раздался звук, от которого кровь стыла в жилах — холодный, режущий звон колоколов. Он проникал сквозь камень, сквозь плоть, заставляя зубы сжиматься от боли.

— Они знают, — прошептал Борн, его пальцы судорожно сжали рукоять меча. — Они почувствовали пробуждение силы. Чистильщики уже идут.

Из темноты боковых ниш начали появляться фигуры. Не такие, как те существа в лесу крестов, — эти были людьми, или по крайней мере выглядели как люди. В чёрных плащах, с капюшонами, скрывающими лица, они двигались с механической точностью, будто не дышали, а существовали по чьему-то приказу. В их руках блестели клинки, а за спинами висели маленькие колокола, издававшие тот самый звенящий звук, который проникал в сознание, заставляя мысли путаться.

Один из них вышел вперёд, его голос прозвучал сухо и безжизненно, как скрип ржавых петель:

— Отдай посох, мальчик. Ты не сможешь удержать эту силу. Она сожжёт тебя изнутри.

Каэль не ответил. Он просто поднял посох, и руны на нём снова вспыхнули, на этот раз не белым, а багровым светом, похожим на отблеск крови на лезвии.

Змей внутри посоха не проснулся, но Каэль почувствовал его присутствие — тёмное, древнее, терпеливое. Оно ждало. Ждало момента, когда понадобится его голос.

— Мы не отдадим ничего, — твёрдо произнёс Борн, вставая рядом с Каэлем. — Ни посох, ни свою свободу, ни свои слова.

Чистильщики не стали больше говорить. Они бросились вперёд, их клинки рассекали воздух, а звон колоколов становился громче, превращаясь в волну, которая давила на уши, заставляла видеть то, чего не было: тени, шевелящиеся в углах зрения, шёпот собственных страхов, оживающие кошмары.

Первый удар Каэль отбил почти инстинктивно. Посох встретился с клинком, и при столкновении по залу прокатилась вспышка света, будто сама сила, заключённая в дереве, восстала против стали. Удар был таким сильным, что Каэль почувствовал, как вибрация прошла по всей руке, но он не отпустил посох. Он не мог.

Бой закружился вокруг него вихрем стали, звона и криков. Борн сражался рядом, его меч пел волчьим воем, рассекая плащи и плоть. Другие воины отряда прикрывали тылы, но чистильщиков было слишком много, и они не чувствовали боли, не знали страха. Они были машинами, созданными для одной цели — уничтожить угрозу.

Каэль отбивал удар за ударом, чувствуя, как сила посоха течёт через него, делая движения быстрее, точнее, смертоноснее. Но вместе с этим он чувствовал и другое — как эта сила пытается подчинить его, как шёпот змея становится громче, обещая ему власть, знание, силу, которая позволит ему сокрушить всех врагов.

«Прими меня. Прими эту силу. И ты станешь тем, кто изменит мир».

Каэль стиснул зубы и оттолкнул этот голос. Не сейчас. Не ценой своей души.

Он сделал резкий выпад вперёд, целясь в грудь ближайшего чистильщика. Посох на мгновение снова стал змеем, его пасть раскрылась, и из неё вырвался поток багрового света, который ударил врага в грудь, отбросив его назад, словно от удара невидимой руки.

Остальные чистильщики замерли на секунду, будто не веря в то, что видели. А затем бросились вперёд с удвоенной яростью.

— К выходу! — крикнул Борн. — Мы не сможем удержать зал!

Они отступали, пробиваясь сквозь ряды врагов, каждый шаг давался с трудом, каждый удар отзывался болью в мышцах и усталостью, которая накатывала волнами. Но Каэль не выпускал посох из рук. Он знал: если он его потеряет, то потеряет не просто оружие. Он потеряет часть себя.

Когда они наконец вырвались из храма, солнце уже садилось, окрашивая небо в цвета крови и пепла. Отряд остановился, тяжело дыша, оглядываясь по сторонам, ожидая новой атаки. Но чистильщики не преследовали их. Они остались у входа, будто охраняя что-то большее, чем просто руины.

Борн посмотрел на Каэля, и в его взгляде было не только уважение, но и тревога.

— Теперь ты понял, — тихо произнёс он. — Сила посоха — это не дар. Это испытание. И оно только началось.

Каэль кивнул, всё ещё чувствуя на коже холод змеиной чешуи, хотя посох снова был просто деревом. Он смотрел на руны, которые теперь казались не просто узорами, а шрамами, оставленными временем и силой.

Он стал пророком. Но что это значило? Какую цену придётся заплатить за это слово? И сможет ли он остаться собой, когда сила начнёт менять его изнутри?

Вопросы висели в воздухе, тяжёлые и неразрешимые. Но одно Каэль знал точно: назад пути не было. Дорога, на которую он ступил, вела только вперёд — сквозь боль, кровь и проклятия, к судьбе, которую он ещё не был готов принять, но которую не мог отвергнуть.

Глава 4. «Вавилонская тень: звон, что ломает волю»

Город-крепость нависал над горизонтом, словно гигантский чёрный зуб, вонзившийся в плоть земли. Его стены уходили ввысь так высоко, что даже самые смелые птицы, казалось, боялись подлетать к ним близко. Башни, острые, как клинки, пронзали небо, а между ними тянулись бесконечные галереи, по которым, будто муравьи по жилам исполина, сновали фигуры в плащах.

Это и была она — Вавилонская твердыня, сердце земель «вавилонской блудницы», место, где вера обрела форму закона, а закон — форму меча. Отряд Каэля замер на границе пустоши, глядя на эту чудовищную архитектуру власти и страха. Даже воздух здесь был другим: густым,

тяжёлым, пропитанным запахом ладана, железа и чего-то ещё, кислого, будто сама атмосфера была заражена.

— Здесь даже дышать тяжело, — пробормотал Борн, сжимая рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев. — Будто город сам пытается нас задушить.

Каэль крепче сжал посох. Руны на нём едва заметно мерцали, словно чувствовали близость чего-то враждебного. Он не мог объяснить это ощущение, но знал: посох и город были двумя полюсами одной силы — и чем ближе они подходили друг к другу, тем сильнее трещала реальность между ними.

Они двинулись вперёд, стараясь держаться в тени редких скал, но спрятаться от этого места было невозможно. Стоило им подойти к первым сторожевым постам, как воздух наполнился звоном.

Не единым звуком, а сложной, зловещей гармонией: разные колокола били в разных ритмах, сплетаясь в мелодию, от которой кровь стыла в жилах. Сначала звон казался просто неприятным, режущим слух. Но уже через несколько мгновений он начал проникать глубже — под кожу, в кости, в самую суть мыслей.

У одного из воинов отряда подкосились ноги. Он схватился за голову, его лицо исказилось от боли, а глаза расширились, будто он увидел нечто, чего не было в реальности.

— Они... они везде! — закричал он, размахивая клинком перед собой, хотя вокруг никого не было. — Тени с крыльями! Они смотрят!

Борн резко схватил его за плечи и встряхнул.

— Держи себя в руках! Это не видения. Это оружие. Они бьют не по телу — они бьют по разуму!

Каэль почувствовал, как звон впивается в его сознание, царапая края мыслей, заставляя сомневаться в каждом шаге. Ему вдруг показалось, что посох в его руке стал тяжелее, будто превратился в камень, который он не сможет поднять. А в ушах зазвучал шёпот: «Ты не пророк. Ты самозванец. Ты погубишь их всех...»

Он стиснул зубы и сжал посох так, что дерево скрипнуло. В тот же миг руны вспыхнули багровым светом, и шёпот отступил, будто наткнулся на невидимую стену. Посох снова напомнил о себе: внутри него дремала сила, способная противостоять этой звуковой чуме.

Но было уже поздно. Их заметили.

Из-за зубцов стены показались фигуры в чёрных одеяниях — инквизиторы. Они не спешили. Они знали: жертва никуда не денется. Один из них поднял руку, и звон стал громче, превратившись в настоящую волну, которая сбивала с ног, заставляла видеть то, чего не было, слышать голоса, шепчущие самые страшные тайны сердца.

Перед Каэлем вдруг возникла картина: он увидел себя стоящим посреди леса крестов, а вокруг него лежали тела его товарищей. Их глаза были открыты, но в них не было жизни — только укор. Он отшатнулся, замотал головой, пытаясь стряхнуть видение, но оно держалось цепко, как липкая паутина.

— Не смотри на них! — крикнул Борн, прикрывая отряд. — Смотри только вперёд! Держи мысли в кулаке!

Они пробились к воротам, но те оказались закрыты. Огромные створки из чёрного металла были испещрены рунами, похожими на те, что покрывали посох Каэля, но только эти руны не светились — они поглощали свет, высасывая его из окружающего мира.

И тут из тени арки вышел он — инквизитор.

Высокий, прямой, будто вырезанный из самой тьмы, он двигался с неестественной грацией. Его лицо скрывал капюшон, но когда он откинул его, Каэль увидел глаза — холодные, светлые, почти прозрачные, в которых не было ни капли сострадания.

— Вы пришли с мечом, — произнёс инквизитор, и его голос прозвучал так, будто каждое слово было высечено из льда. — Но здесь побеждает не сталь. Здесь побеждает вера.

Он сделал паузу, и в этой паузе звон колоколов стал тише, будто весь город затаил дыхание, прислушиваясь к его словам.

— Ваша раса — это свора голодных псов, — продолжил инквизитор, глядя прямо на Каэля. — Вы отнимаете хлеб у детей света. Вы называете это борьбой за свободу, но это лишь жажда разрушения. Вы не знаете, что такое истинный порядок.

Каэль шагнул вперёд, не в силах сдержать гнев, который поднимался в нём, горячий и острый, как лезвие.

— Мы знаем, что такое верность, — твёрдо произнёс он. — Мы знаем, что значит защищать свой дом, даже когда весь мир против тебя.

Инквизитор слегка наклонил голову, будто рассматривал редкого зверя.

— Дом? — переспросил он с едва заметной усмешкой. — У вас нет дома. У вас есть только изгнание. Вы — дети железной волчицы, гордые и дикие, но разве гордость согревает в холодную ночь? Разве она кормит ваших детей? Вы цепляетесь за свои легенды, как за соломинки, пока мир движется вперёд.

— Наши легенды — это наша сила! — выкрикнул Каэль, чувствуя, как посох в его руке снова начинает пульсировать теплом. — И мы не позволим никому стереть их!

Инквизитор не ответил сразу. Вместо этого он медленно поднял руку, и один из колоколов на башне ударил — один раз, низко и протяжно. Звук прокатился по площади, как волна, и Каэль почувствовал, как земля под ногами дрогнула.

В тот же миг перед ним вспыхнуло новое видение. На этот раз он увидел не смерть товарищей, а нечто куда более страшное: он увидел самого себя, стоящего на коленях перед инквизитором, а его посох лежал на земле, сломанный, а руны на нём погасли навсегда. Видение было таким ярким, таким реальным, что Каэль на секунду замер, парализованный ужасом.

Но затем он услышал голос — не шёпот змея, не голос страха, а голос Борна:

— Каэль! Смотри на меня! Не на них! На меня!

Он перевёл взгляд на старого воина. Лицо Борна было искажено напряжением, но в его глазах горела решимость.

— Ты — первый, — прошептал Борн. — Ты — пророк. Пусть они говорят что хотят. Пусть бьют своими колоколами. Твоя сила — не в том, чтобы верить им. Она в том, чтобы не верить их лжи.

Эти слова прорвались сквозь звон, сквозь видения, сквозь страх. Каэль снова сжал посох, и на этот раз руны вспыхнули не багровым, а ослепительно белым светом, будто внутри дерева зажглось солнце.

Посох на мгновение снова стал змеем — чёрным, с глазами, горящими, как угли. Змей поднял голову и зашипел, и этот звук, низкий и яростный, перекрыл звон колоколов, заставив их на секунду замолчать.

Тишина повисла над площадью, тяжёлая и звенящая. Даже инквизитор на мгновение замер, будто увидел нечто, что не вписывалось в его планы.

— Так вот оно что, — тихо произнёс он, и в его голосе впервые прозвучало нечто похожее на уважение. — Пророк. Тот, о ком говорится в пророчестве. Посох становится змеем в руках первого.

Он опустил руку, и колокола снова ударили, но на этот раз их звон не смог заглушить голос Каэля:

— Мы не просим у вас милости, — громко и чётко произнёс он, глядя прямо в глаза инквизитору. — Мы не хотим вашего хлеба. Мы хотим только одного: чтобы вы оставили нас в покое. Чтобы вы перестали стирать нашу историю, как пятно с камня.

Инквизитор медленно покачал головой.

— История — это то, что пишут победители, — спокойно ответил он. — А вы, боюсь, уже проиграли.

Он махнул рукой, и из-за стен начали выходить ряды чистильщиков. Их было много — слишком много, чтобы отряд Каэля мог противостоять им в открытом бою. Они двигались ровным строем, их клинки блестели, а за спинами висели маленькие колокола, готовые снова наполнить воздух убийственной музыкой.

Борн встал рядом с Каэлем, его меч был обнажён, а лицо — спокойным, как перед бурей. — Готовься, — тихо произнёс он. — Сейчас будет жарко.

Каэль кивнул. Он чувствовал, как сила посоха течёт по его венам, холодная и острая, как лезвие. Он знал: этот бой будет не просто схваткой мечей. Это будет битва за право на собственную историю, за право называться теми, кем они были рождены.

Чистильщики бросились вперёд, и площадь взорвалась звоном, криками и лязгом стали. Видения снова начали накатывать на Каэля, пытаясь сбить его с толку, заставить сомневаться, бояться. Но каждый раз, когда тьма подступала слишком близко, он сжимал посох, и руны вспыхивали, отгоняя иллюзии.

Он отбивал удар за ударом, чувствуя, как усталость накатывает волнами, но не позволяя ей взять верх. Рядом сражался Борн, его меч рассекал воздух с рёвом, похожим на волчий вой. Другие воины отряда прикрывали тылы, но их становилось всё меньше.

В какой-то момент Каэль оказался лицом к лицу с инквизитором. Тот не вынимал меча — ему не нужно было сражаться самому. Его оружием были слова и звон.

— Посмотри на них, — произнёс он, указывая на павших воинов отряда. — Это цена вашей гордости. Это цена ваших легенд. Разве они стоят такой крови?

Каэль не ответил. Вместо этого он поднял посох, и змей внутри него снова пробудился. На этот раз его шипение было громче, чем звон колоколов. Оно прокатилось по площади, заставляя чистильщиков на мгновение остановиться, будто они слышали голос чего-то древнего и страшного.

— Наша кровь — это не цена, — тихо, но твёрдо произнёс Каэль. — Это наша клятва. Мы не предадим свою историю. Не сегодня. Ни за что.

Инквизитор на секунду замер, будто впервые увидел в юноше не врага, а человека. Но затем его лицо снова стало маской из льда и стали.

— Тогда пусть ваша клятва станет вашим надгробием, — холодно произнёс он.

Он поднял руку, и колокола ударили в последний раз — низко, протяжно, с такой силой, что земля под ногами задрожала, а воздух стал густым, как смола.

Видения нахлынули на Каэля всей своей мощью. Он снова увидел лес крестов, павших товарищей, сломанный посох. Но на этот раз он не отступил. Он шагнул вперёд, сквозь иллюзии, сквозь страх, сквозь саму смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.